

Алексей Большаков

Страшное проклятие

Глава 1. Шедевр

В третьем часу ночи сладкий сон Эдика прервал требовательный телефонный звонок.

— Эдик, приезжай ко мне сейчас же! — услышал он возбуждённый голос Фёдора Шкоды, бывшего однокурсника Эдуарда по университету.

У Эдика замерло сердце:

— Что случилось?

— Я такую повесть написал, такую повесть! На уровне лучших мировых стандартов. Ты обязательно должен её слышать!

— Ночь же на дворе, — устыдившись невоспитанности приятеля, сказал Эдик.

— А, всё равно! Такая повесть, такая повесть — закачаешься! Я немедленно должен её тебе читать.

«Удивительное внимание к моей скромной персоне!», — подумал Эдик. Ведь он не был литературным критиком, да и Фёдор не относился к числу близких его друзей. Но отказать своему старому знакомому Эдик не смог:

— Ладно, приеду, — сказал Эдик, повесил трубку и завалился спать опять в радостном

ощущении, что отпуск только начинается и утром не нужно идти на работу, а можно будет понежиться в кровати и хорошо отоспаться.

Его сон был крепким, но не долгим: примерно через час звонок повторился.

— Ну, почему ты до сих пор не у меня?! — удивлялся Фёдор на другом конце провода. — Сколько можно ждать?

Трясясь в первой полупустой электричке, Эдик глядел в окно на мокрые после дождя деревья и удивлялся причудам Федыки. Прикольный он все-таки, и фамилия у него прикольная — Шкода. С Эдиком они вместе учились в Политехническом университете года три, затем Шкода отчислился из университета и связь с ним прервалась.

Несмотря на то, что Шкода был малообщительным и сторонился шумных компаний, его многие знали в университетских стенах. Прославила его не столько фамилия, сколько история о том, как Шкода сдавал экзамен по теормеху. Эту историю пересказывали даже после ухода Шкоды из университета. На экзамене с Федором случилась пренеприятная история. Он умудрился пронести в аудиторию учебник по предмету и нагло, но благополучно списал с него свой вопрос. Однако непосредственно во время экзамена здоровенный, тяжёлый как кирпич учебник предательски вывалился из-за пазухи Ильи

и больно ударил экзаменатора по ноге.

— Ой! — вскрикнул доцент и угрожающе изрёк:

— Ваш учебник упал мне на ногу!

— Этот учебник не мой! — возразил испуганный Шкода.

— Как же не ваш?! — изумился экзаменатор.

— Точно не мой! — настаивал Шкода. — Он поднял злосчастный учебник и дрожащим пальцем указал на фамилию автора:

— Вот, смотрите, здесь же написано: Кикоин. А моя фамилия — Шкода. Значит и учебник не мой, а Кикоина.

Преподаватель после секундного замешательства вдруг громко захохотал. Все присутствующие на экзамене уставились на хохочущего доцента. Сквозь смех он наконец произнёс:

— Учебник Кикоина. А у этого фамилия вовсе не Кикоин. А как? Шкода? Ха-ха-ха!!! — экзаменатор захохотал ещё пуще прежнего и повалился со скамейки прямо в проход аудитории.

Экзамен был прерван. Правда, ненадолго.

Чем занимался Шкода после университета, Эдик достоверно не знал. До него доходили кое-какие слухи о том, что Фёдор выдаёт себя за потомственного экстрасенса, ведёт частный приём женщин, склоняя их к сексу. Эдик воспринимал

подобные слухи с улыбкой. Он симпатизировал своему незадачливому знакомому, и когда они случайно встретились в электричке пару месяцев назад, сразу узнал Фёду, обрадовавшись встрече с давним приятелем. Шкода рассказал, что он и в самом деле приобрёл необычные способности, но в настоящее время приостановил частную практику, потому что решил стать знаменитым писателем. Для этого он забросил все свои дела и снял комнату за городом, чтобы, отгородившись от городской суеты, с головой погрузиться в творчество.

Эдик не удивился, они и сошлись-то в университете потому, что оба пытались писать рассказы. Эдик — юмористические, Фёдор, по мнению его немногочисленных слушателей, — какие-то непутёвые, полу мистические.

Эдик поинтересовался, о чём же пишет Фёдор спустя столько лет. Тот пригласил Эдика к себе и Эдик принял приглашение: ехать было недалеко, всего пару остановок на электричке. Эдик жил в Новой Деревне около станции, а Шкода снимал комнату в Лахте. Комната оказалась с отдельным входом на первом этаже частного деревянного дома. Фёдор причитал Эдику свой рассказ «Ужас», где он описывал ощущения человека, провалившегося в канализационный люк. Рассказ был весьма странным, показался Эдуарду каким-то бессмысленным, бесполезным, но Эдику — очень

доброму в душе человеку — было как-то нехорошо, нелюбезно критиковать, придираться к неокрепшему ещё творчеству, и он, боясь огорчить малознакомого, в сущности, человека, похвалил Илью.

Кто-то рассказал потом Эдику, как Шкода ко многим приставал со своим рассказом, приговаривая: «Вы знаете Эдика Смирнова? Он работает в полиграфическом университете, прекрасно разбирается в литературе и оценил моё произведение по достоинству».

Шкода предложил свой рассказ сразу нескольким солидным литературным журналам, затем на какое-то время снова исчез, и вот этот ночной звонок, вовсе не обрадовавший Эдуарда. И всё же поспешность, с которой Фёдор требовал встречи, не могла не интриговать, настойчивость читать повесть именно Эдику льстила его самолюбие. Эдик отряхнулся ото сна и приехал в Лахту, готовый с головой окунуться в творчество поджидавшего его приятеля.

Они встретились в дверях маленькой комнаты. Фёдор был в рваной майке, огромных семейных трусах, уличных сандалях, нацепленных на босую ногу. Лицо его светилось радостным возбуждением, волосы торчали во все стороны, упругие вены вздулись у висков.

— Проходи скорей! — громогласно изрёк

Шкода, без церемоний усадил Эдика в скрипучую кровать, сам оседлал единственный стул, эффектно, словно пещерный человек, стремящийся выжать огонь, потёр ладони рук и, откашлявшись, приступил к чтению.

Повесть с интригующим названием «Малыш и мир» начиналась своеобразно: «Больше всего на свете Мария любила свою работу. Каждый день приносил ей новые знакомства, новые ощущения и наслаждения. Работа доставляла ей истинное удовольствие, ни с чем не сравнимую радость, возвышающую чувство собственного достоинства. И как можно не радоваться, когда прекрасно знаешь своё дело, когда твоё ремесло, твой вдохновенный труд расправляет мужчинам морщины, делает их стройными, красивыми и мужественными.

Мария работала проституткой в гостинице «Москва». Её трудолюбие не имело предела, и в поисках новых связей, новых клиентов она ждала известного всей округе Женьку Титова, сутенёра по кличке Малыш».

Слегка шокированный таким началом, Эдик улыбнулся, припоминая, что у Шкоды в студенческие годы имелся недруг, которого так же звали Женька Титов. Фёдор принял улыбку Эдуарда за одобрение и продолжил чтение:

«Малыш запаздывал. Мария прислонилась к столбу и нежилась в лучах повисшего над самой

линией горизонта солнца, окутавшего всё вокруг себя мягким, ласкающим как прикосновение матери светом».

— Погоди, — прервал повествование Эдик, — ты когда-нибудь видел в городе солнце, повисшее над самой линией горизонта?

— Что? — удивился Шкода, явно не ожидавший такого замечания. — Известно ли тебе, что солнце скрывается за горизонтом, а потому перед закатом всегда висит над самой его линией?

— Но в городе же дома, они мешают созерцать горизонт...

— Это не важно. Если кто спросит, скажу, что действие происходит на пустыре, — прервал Эдика Шкода. — Скажи лучше, как начало? Красиво написано?

— Ничего себе, — хмыкнул Эдик, и удовлетворённый Фёдор стал читать дальше.

Повествование разворачивалось своим чередом, становилось всё более напряжённым. Но вскоре прозвучал эпизод, заставивший Эдика прервать приятеля вновь. Во время очередного приёма трудолюбивой Марией иностранного туриста группа озабоченных милиционеров устраивает в гостинице облаву, и когда дверь номера Марии выламывают вооруженные люди в масках, иностранец нагишом выскакивает в окно и мчится по спящему городу с закрытыми глазами,

чудом проскакивая перед самым носом изумлённых водителей грузовиков, легковушек и маршрутных трамваев.

— Как же так? — удивился Эдик. — Как можно бегать с закрытыми глазами?

— Из-за возбуждения. От страха закрыл и бежит. Этой сценой я чётко передаю состояние перепуганного человека, — с достоинством ответил Шкода.

— Но в городе нельзя так бегать! В дом врежешься или...

— Да ты не понял! Это же метафора, преувеличение.

— Странная какая-то метафора.

Настойчивость Эдика разозлила Шкоду:

— Что привязался: город, дома! Слепые вообще не видят. И ничего — живут!

— Ладно, — обречено вздохнул Эдик, — ты автор — тебе видней.

— То-то же, — успокоился Шкода и попросил не перебивать его больше с ерундой.

Эдик хотел было напомнить, что ночью маршрутные трамваи не ходят, но это замечание показалось ему таким незначительным, ничтожным, не заслуживающим драгоценного внимания великого автора-новатора, что он прикусил язык и вскоре, слушая монотонную речь Фёдора, чуть было не задремал. Однако хохот автора вывел

Эдика из оцепенения. Глядя на радующегося писателя, он также не смог сдержать улыбку.

— Правда, хороший анекдот? — отсмеявшись, поинтересовался Фёдор.

— Какой анекдот? — спросил Эдик.

— Который Мария рассказала клиенту.

— Извини, я что-то не совсем понял его смысл.

— Ну, как же? — удивился Шкода. — Приходит Чебурашка в магазин и спрашивает: «У вас леписины есть? Продавщица поправила: «Не леписины, а апельсины. Нет апельсинов». На другой день опять: «У вас леписины есть?» — и так всю неделю. Продавщице надоело поправлять, она и говорит: «Ещё раз скажешь «леписины» — прибьём за уши к прилавку». На следующий день Чебурашка приходит и спрашивает: «У вас гвозди есть?» — «Нет». — «А леписины?».

— Да, — задумчиво сказал Эдик, — хороший анекдот. Только вот мне кажется, что проститутки клиентам такие анекдоты не рассказывают.

— А какие, по-твоему, рассказывают? — недоумённо спросил Шкода.

— Если только постельные. И речи с клиентами ведутся совсем не такие, как в твоей повести, и образ жизни у проституток не такой, и работу свою они не любят.

— А ты откуда знаешь? — недовольно

спросил Шкода.

— Догадываюсь, — ответил Эдик.

— Догадываюсь, догадываюсь... — передразнил Шкода. — Можно подумать, что ты сам проституткой в гостинице работаешь.

Эдик не стал тратить время на возражения, потому что с нетерпением ожидал, когда повествование наконец-то закончится и можно будет поехать домой отоспаться. Но писатель мучил его своей повестью ещё целых три часа. Когда он окончил чтение, Эдик, поблагодарив за оказанное ему доверие, собрался было уходить. Шкода задержал его у порога:

— А как же обсуждение? Что ты можешь сказать о моём творении? Правда, искренне, правдиво, актуально и неожиданно?

— Да как тебе сказать? — задумчиво ответил Эдик. — Действительно, много необычного и неожиданного. Однако отдельные эпизоды, фразы и выражения мне не понравились.

— В самом деле? — удивился Шкода. — А какие?

— Скажем, в описании Малыша. Ты пишешь, что он был сексуальным виртуозом-экспериментатором...

— По-моему, это большая находка, — возразил Шкода. — И очень жаль, что ты её не оценил.

— Ладно. Ответь мне только, где ты видел гладко выбритых беззубых блондинок, обладающих лучезарной улыбкой?

— Что? — почесал голову раздосадованный Шкода. — В самом деле, придётся заменить.

— Вот, вот, — сказал Эдик, — и замени ещё эпизод, где ты описываешь драку Малыша с сантехником Унитазовым.

— Но это же центральный эпизод! — возмутился Шкода. — Его-то зачем менять?

— Слишком уж здесь всё неестественно, — сказал Эдик.

— Ты, видно, невнимательно слушал, — махнул рукой Шкода.

— Как же, я хорошо запомнил этот эпизод, — возразил Эдик, к этому месту в повести он ещё не успел как следует задремать. — Когда преступники похитили Марию, — решил пересказать сюжет Эдик, — твой Малыш мчится по городу в поисках сантехника Унитазова и находит его на стройке. Сантехник, помахивая огромным гаечным ключом, обследует тяжелую бетонную стену. Малыш подбегает к противнику и грозно требует: «А ну-ка живо гони мне десять копеек!». «Но у меня нет мелочи», — виновато пожимает плечами сантехник. Тогда твой главный герой с криком: «Так ты, гад, не хочешь одолжить мне гривенник?!» — лупит сантехника ногой по зубам. Тот падает как

подкошенный. Малыш начинает топтать и пинать сантехника, требуя сознаться, где спрятана Мария. Сантехник не хочет. Малыш хватается за волосы и стучит головой человека об стену. Но тут, ты так пишешь, откуда ни возьмись примчались дворник Подметайко, столяр Деревяшко, слесарь Порчугайкин. Заметив их, Малыш перепрыгивает через трехметровую бетонную стену и мчится за подмогой в кооператив «Обмер». Подумай только, Федя, как всё это глупо выглядит, сколько здесь неточностей, откровенного писательского брака.

— Как-то ты всё опошил, — недовольно покачал головой Шкода.

— А фамилии? — продолжил Эдик. — Какой дурацкий у тебя подбор! И кооперативов с названиями «Обмер» или «Обман» я не встречал, и шутки у тебя преимущественно плоские.

— Эх, плохо ты юмор-то понимаешь, — раздраженно заключил Шкода.

Наступило тягостное молчание. Наконец Шкода спросил:

— Как тебе концовка повести?

Её окончание напомнило Эдику окончание когда-то нашумевшего произведения Кунина «Интердевочка», и Эдик сказал:

— Чувствуется влияние отечественной литературы перестроечного периода.

— Слушай, может быть, перевести на

английский язык и послать в американские художественные журналы? — с надеждой спросил Шкода.

— Будет международный скандал, — попытался пошутить Эдик.

— Это ещё почему? — не понял шутки Шкода.

— Из-за щенка. У тебя фигурирует щенок породы рокфеллер.

— Не рокфеллер, а ротфеллер, — поправил Шкода. — Что-то тебе слышится всё не то, что надо.

— И порода называется не ротфеллер, а...

— У тебя всё? — грубо прервал Эдика Шкода.

— Советую тебе больше не писать о том, чего не знаешь, — спокойно сказал Эдик.

— Я не нуждаюсь в твоих советах! — злобно ответил Шкода.

— Тогда зачем позвал меня? — удивился Эдик.

— Убирайся! — вдруг грозно потребовал Шкода.

Наконец-то желания приятелей совпали! Всё утро Эдик страстно мечтал поскорей покинуть грязную комнату Фёдора. Но Шкода, вместо того, чтобы посторониться и пропустить Эдика, почему-то, злобно сверкая глазами, подскочил вплотную, загородив путь на свободу своим

мощным, пышущим гневом телом.

— Не умеешь писать — не берись, — сказал Эдик.

— Ну ты и гад! Да я вышвырну тебя вон!!! — вдруг заорал Шкода, схватил Эдика за воротник рубахи и попытался потащить его по направлению к двери.

Но Эдик упирался. Изловчившись, он смог сильно толкнуть разбушевавшегося писателя. Раздался треск рвущейся рубахи и грохот. Это шлёпнулся Шкода. Вцепившись мертвой хваткой в воротник оторванной рубахи, он больно ударился о спинку кровати.

Глава 2. Смертельное проклятие

С трудом оттолкнув злобного писателя, Эдик выскочил наконец на улицу. Но и Шкода быстро вскочил и бросился к двери. Однако за Эдиком почему-то не погнался, а остался у порога.

Обернувшись, Эдик возмущенно закричал:

— Ты не писатель, ты вредитель!

— Что?!! — топая ногами, злобно заорал Шкода. — Убирайся вон, ублюдок!!!

Тихая улочка огласилась звонким лаем собак, из окна дома, где жил Шкода, высунулась пожилая женщина, хозяйка дома, и погрозила Эдику, невинному оборванцу, кулаком.

— Отдай воротник, вредитель! — зачем-то крикнул Эдик.

Шкода кинул оторванный воротник рубахи в сторону Эдика и закричал:

— Да я проклинаяю тебя! Слышишь, проклинаяю! Да я напускаю на тебя нечистую силу! Она принесёт тебе скорую смерть! Скоро пойдёшь в могилу! Слышишь, ублюдок, скоро ты подохнешь в страшных муках!

Эдик обернулся опять. Выпучив глаза, Шкода так и стоял на пороге своей комнаты. Он направил раскрытые ладони своих вытянутых рук в сторону Эдика и делал руками какие-то взмахи.

— Подохнешь, скоро подохнешь, гад!!! — вновь заорал Шкода.

Испуганная хозяйка дома забарабанила кулаком в оконное стекло.

Что было делать Эдику? Разобраться, призвать к ответу Шкоду и объяснить с хозяйкой? Увы, сейчас всё это могло бы обернуться против него новыми неприятностями. Эдик вовсе не хотел скандалить. Униженный и оскорбленный, он побрёл на станцию, ещё долго слыша в след собачью брань.

Даже в электричке Эдик не мог прийти в себя, сильно переживая случившееся. Его отношение к Шкоде резко поменялось. Этот злобный шизофреник ходит с девками по ресторанам,

развратничает, выдаёт себя за великого экстрасенса и писателя, так ещё и вытащил Эдика ночью с постели, всё утро мучил его ужасной мурой, а затем проклял! Негодяй, злобный негодяй! Ишь, руки выставил, нечистую силу напустил!

От возмущения, отчаянной досады, скопившейся глубоко внутри, Эдик неожиданно, неконтролируемо закричал на весь вагон электрички:

— Ну и debil! Гад, сволочь, развратник долбанный! Шизофреник поганый!

К Эдику подскочил какой-то подвыпивший мужичок, принявший, похоже, вопль отчаяния Эдика на свой счёт:

— Ты это кому, придурок?! Что, в морду захотел?!

Эдик очнулся:

— Нет, нет, извините! Я это не вам! У меня неприятности, я это о своём.

— Ну и помалкивай в тряпочку! — недовольно сказал мужичок, но отошёл.

Глава 3. История злобного писателя

Необычные способности у Фёдора Шкоды открылись далеко не сразу. Несмотря на весёлую фамилию Федя был самым обычным, не слишком озорным ребёнком.

Но как-то раз, когда Шкода учился в 7-м классе, в ласковый майский день, в самом конце учебного года, на перемене в школе Федя как обычно готовился к уроку. К нему подскочил одноклассник, школьный озорник Коля Садов. Он схватил Федю, подтащил его к раскрытому классному окну и под одобрительные возгласы: «Пойди к птичкам, полетай!» — шутки ради стал выпихивать Федю на улицу в окно. Вред ему причинять не собирались: приятель крепко держал Шкоду за ноги. Вдруг в класс вбежала учительница и испуганно закричала: «Садов! Что ты делаешь?! Отпусти его сейчас же!» Мальчишка, напуганный громким криком внезапно появившейся учительницы, выполнил её требование и отпустил Шкоду. Тот исчез: полетел вниз с третьего этажа.

Учительница рухнула в обморок, в классе — переполох: забыв о Шкоде, ребята паникуют, бегают вокруг любимой учительницы, не зная, что предпринять.

Придя в сознание, женщина спросила:

— Федя жив?

Все ринулись к окну: кусты были помяты, но Федя исчез. Наступившее оцепенение длилось недолго: в класс ввалился оборванный, ужасно воняющий Шкода. Он упал не очень удачно: под окном росли здоровенные кусты колючего шиповника, которые какой-то негодник умудрился

использовать вместо туалета. Шиповник смягчил падение: Федя ничего себе не поломал — отделался лишь сотрясением мозга, ушибами, ссадинами да колючками, впившимися в тело. Школьный костюм его пострадал, конечно, основательно. Но серьёзной боли мальчик поначалу не ощутил — был под впечатлением своего полёта. Не заметил даже, что приземлился в чью-то свежеположенную «мину».

— Вот и я! — бодро сказал вошедший Шкода. Хромая, он прошёл к своей парте. Не обращая внимания на обалдевшую учительницу и изумлённых ребят, Шкода открыл учебник и сделал вид, что читает: он не любил всеобщее внимание.

Ужасный запах, исходивший от Шкоды, помог привести учительницу в чувства. И Федю, несмотря на его протесты, отправили в больницу.

Но первое падение не смогло раскрыть какие-либо необычные способности Феде. Оно лишь слегка изменило его характер. Федя стал нервным, раздражительным и в то же время немного заторможенным. По мнению одноклассников, Федя слегка тронулся умом, стал «придурковатым».

Его поставили на учёт к психиатру. Но учился Шкода не плохо и по окончании школы поступил в Политехнический университет. Однако к концу третьего курса Фёдор охладел к учёбе. Шёл 1992 год — время крутых перемен в стране. Карьера

инженера Шкоду перестала больше интересоваться. Он решил, что новый общественный строй обещает «умным людям» отличные возможности. Но прежде, чем что-то предпринять, Фёдор поехал на море, в университетский спортлагерь. Спортом он не занимался, но летний лагерь находился в окрестностях города Сочи, путёвки давали почти всем желающим, и Федя поехал посмотреть море за десять процентов от реальной стоимости путёвки.

Отдых как-то сразу не заладился. Шкоду поселили в грязный кемпинг, ближайшим его соседом оказался однокурсник Вася Шмаков, большой любитель спиртных напитков и девушек. Этот самый Вася раздобыл где-то литр чачи и уговорил Федора пойти к морю, отметить приезд. Пошли вечером, перед отбоем. Шмаков прикончил стакан чачи, сразу повеселел и, пошатываясь, пошёл знакомиться с барышнями.

Шкода выпил, вроде, не много: он не слишком уважал крепкие спиртные напитки, предпочитая сухое вино или пиво. Но его голова, вероятно, с непривычки, налилась свинцом, он плохо соображал, с трудом воспринимая действительность. Шмаков привёл двух явно подвыпивших девок, но Шкода общаться с дамами не стал. Его сморил сон.

Проснулся Фёдор глубокой ночью оттого, что кто-то орал над его ухом. Это Шмаков исполнял

песню про уток. Девушки ушли, Шмаков был сильно пьян.

Нужно было идти назад, в лагерь. Шмаков сильно качался, Федя придерживал его, но однажды не удержал. Шмаков свалился на дорогу, и, твердя: «Я трезв, я трезв как осциллограф!», — попытался подняться, но не смог сделать это самостоятельно. С большим трудом Федору удалось придать товарищу горизонтальное положение и транспортировать его в направлении лагеря. Но у самого забора Шмаков снова предательски заорал свою песню: «Летя-я-ят утки-и-и и два-а-а гуся!!!»

На крыльцо служебного помещения вышел физрук. Он уставился на возмутителей спокойствия и грозно потребовал:

— Идите сюда!

— Ничего, ничего, только не подведи меня, — шепнул приятелю Шмаков и зашатался в направлении физрука. Фёдор придерживал его за руку, но чем ближе подходили собутыльники к физруку, тем сильнее качался Шмаков.

— Ничего, ничего, — твердил он, — я в порядке.

Вдруг его повело.

— Федька, держись, прорвёмся! — приказал Шмаков и упал к ногам физрука.

— Ух! — воскликнул физрук, на секунду схватился за своё сердце, потом обежал вокруг

Шмакова и стал щупать ему пульс.

— Упился и без сознания, — сказал физрук. — Давай положим его на кровать.

У двери начальника лагеря стояла железная кровать. Шкоду свалили на кровать, а физрук стал барабанить в дверь начальника. Послышался шум и неодобрительные восклицания. Наконец полуголый начальник выглянул наружу.

— А? Что? Что случилось? — осведомился начальник.

— Вытрезвиловку вызвать надо, — сказал физрук.

— Кому? Тебе?

— Мне? Мне не надо! — испугался физрук. — Парню. Вон он лежит. До чертиков упился и лежит.

— Я ему сам вытрезвиловку устрою! — придерживая спадающие трусы, начальник лагеря прыгнул с крыльца и стал стучать Шмакова ладонью по щекам. Шмаков открыл глаза. При виде полуголого начальника лагеря он очумело заикался.

— Ах, ты, гад! Сейчас ты у меня протрезвеешь! Всю чачу из тебя выбью! — злобствовал начальник.

— Я трезв как стёклышко, — сказал Шмаков и сделал попытку подняться с кровати. Однако чача сама настойчиво просилась наружу. Шмаков не смог сдержаться. Он опустил голову и издал блеющий звук.

Начальник лагеря отпрыгнуть не успел.

— У-у-у, сволочь!!! — заорал он, глядя на испачканную ногу. Начальник озверел. Вложив всю свою силу и злость в удар, он, испачканной ногой, саданул по железной сетке кровати. Кровать сломалась, Шмаков упал, а лагерь потряс душераздирающий вопль ушибленного начальника:

— А-а-а-а-а!!!

Этот бешеный вопль пронёсся по лагерю, достиг гор, отразился и эхом вернулся назад. В некоторых кемпингах зажглись окна, на улицу стали выбегать испуганные люди. Они недоуменно разглядывали прыгавшего на одной ноге начальника лагеря, который, преодолевая страшную боль орал на Шмакова:

— В зашею, в зашею гоните этого негодяя! Чтоб ноги его близко к лагерю не было! Всех, всю пьянь разгоню!

Стоявший рядом Шкода покрылся испариной, но начальник лагеря накинулся на него:

— А ты что здесь стоишь?! Места другого не нашёл? Что уставился? Ах-х, вы вместе? Вместе нажрались? Говори фамилию.

— Шкода я.

— Да я не кличку спрашиваю, а фамилию! Немедленно отвечай!

— Всё равно Шкода.

— Ах, ты — Шкода?! Пошёл вон из лагеря!

Оба пошли! Чтоб духа вашего здесь не было!
Будите шкодить в другом месте!

Так приятели оказались на улице. Домой ехать не хотелось и они поселились в частном секторе, сняли мансардное помещение недалеко от моря.

Как-то в один из пасмурных вечеров Федя не дождался где-то загулявшего соседа и крепко уснул.

Проснулся он от резкой боли в животе и сразу уловил, что в комнате что-то не так. Он огляделся и в слабых лучах ночного неба, проникавших через небольшое окошко, увидел, что на кровати соседа лежат двое. Боясь пошевелиться, Фёдор прислушался и ясно различил звуки поцелуев, характерную возню, лёгкий скрип кровати, сладостный женский стон. Шкоде почему-то стало стыдно. Он решил переждать.

Но в животе его кипело сражение, которое с каждой минутой становилось всё более напряжённым. Полки напирали друг на друга, одна сторона издала предупредительный гудок, другая ответила канонадой.

На кровати затихли, затем довольный голос соседа сообщил подружке: «Шум есть, сейчас будут газы», — раздалось приглушённое хихиканье и осторожные звуки любви возобновились.

А война в животе нарастала. Федя изнемогал. Схватившись руками за матрац, он сжался,

обливаясь потом, прикусив язык. Сражение достигло апогея, боль становилась нестерпимой, но на соседней кровати и не думали униматься.

Не выдержав мучений, Шкода вскочил с кровати и с криком: «Ужас!» — молниеносно выскочил из комнаты, но зацепился за порог и кубарем полетел по ступенькам крутой лестницы.

Второе, более тяжёлое сотрясение мозга повлияло на дальнейшую судьбу Шкоды. Приобрёл ли он какие-либо необычные способности — доподлинно не известно. Но Фёдор решил стать дураком. Очень удобно: делай что хочешь, говори что хочешь, живи как хочешь — и никакой ответственности.

Приехав в Питер, Шкода отчислился из университета и осенью того же года лёг в психиатрическую больницу. Знакомым он объяснял, что лёг в больницу специально, чтобы «откосить от армии».

Получив желаемый диагноз — шизофрения — умный дурак решил заняться целительством. А что? Очень прибыльный бизнес. Никакого медицинского образования иметь не нужно. Конечно, брать несколько тысяч рублей за движения руками вдоль тела гораздо проще и выгодней, чем лечить человека традиционными методами. Помахал пару минут руками, вручил клиенту какой-нибудь порошок из коровьих лепёшек, взял деньги и

можешь радоваться жизни. Быть колдуном или целителем — огромная радость для самого колдуна или целителя.

Прежде всего Шкода решил сменить фамилию.

Жалко, конечно, но в последнее время у нас, да и на Украине то же стало очень сложно встретить человека с весёлой фамилией. А то ведь как приятно было узнать, а потом рассказать об этом друзьям, что пообщался с Чернописькой, Чёблей или Харей. Особую радость испытываешь, если такую весёлую фамилию носит какой-нибудь нудный чиновник, гаишник, таможенник или твой непосредственный начальник.

Увы, сейчас даже Дубов, Подопригор, Крыс или Пасюков осталось совсем не много. Виной всему то, что власти разрешили людям легко менять свои фамилии. Пришёл в паспортный стол, написал заявление, заплатил небольшую пошлину и новые документы с понравившимися тебе фамилией, именем и отчеством у тебя в кармане.

Вот и Фёдор Анатольевич Шкода без особых проблем стал Шамаем Ланцелотовичем Делоном. Свою озорную красивую фамилию Шкода решил сменить на какую-нибудь известную и привлекательную. Выбор Шкода остановил на фамилии Делон. Фанатом знаменитого Алена Делона он не был, но фамилия звучала, вызывала

интерес. Заодно Шкода поменял и своё имя. Сначала он хотел назваться Фешкодом, но решил, что Фешкод звучит не слишком красиво и будет отпугивать потенциальных клиентов. То ли дело — Шамай. В самом этом имени есть нечто таинственное, мистическое. А ведь именно мистикой, целительством намеривался заняться Шкода.

Попутно пришлось поменять и отчество. Шамай мог бы обойтись и без отчества вовсе, но отчество требовалось для оформления нового паспорта. Пришлось немного подумать и взять отчество Ланцелотович. В самом деле, разве у Шама Делона может быть русское отчество?

Так Фёдор Шкода стал потомственным целителем Шамаем. Он снял квартиру в городе и дал объявления в газетах, что излечивает любые болезни, снимает сглаз, порчу, привораживает любимых. На отсутствие клиентов Шамай первое время не жаловался. По сравнению с другими целителями цены у него были не слишком высокие. За несколько минут махания руками он брал, ну, может, всего лишь недельную зарплату среднего инженера.

Впрочем, с инженерами Шамай не связывался. Да и мужчин старался не принимать совсем. Ему хватало дам.

Так и работал Шамай несколько лет, жил на

широкую ногу, ни в чём себе не отказывая. Однако не все дамы были довольны магическими сеансами: и болезни не уходили, и любимые не возвращались. Таким гражданкам Шамай внушал, что сеанс необходимо повторить, провести более дорогой, но сильный ритуал, поставить дополнительную защиту от болезней.

Особенно недовольным дамам Шамай объяснял, что лечит и привораживает не он сам — лечит Бог, привораживают духи. Он лишь проводит ритуал, посылает просьбы Богу и духам. Раз не помогло, идите, спросите у Бога и духов, почему они не захотели вам помочь.

Тем не менее, отдельные клиентки стали писать на Шамай заявления в милицию. Когда заявлений набралось довольно много, Шамай посетил местный участковый. Он очень удивился, что у него под боком столько времени вместо потомственного целителя орудует обыкновенный дурак.

Но у нас ведь как, у нас ведь никто не запрещает любому дураку, любому шизофренику заниматься магией и целительством. Не знаю, как сейчас, но раньше точно не запрещали. Статус шизофреника изотерикам очень даже помогает: проводи любые ритуалы, лечи себе что хочешь, лечи как хочешь — никто к ответственности не привлечёт.

И все же с участковым договориться не получилось: он обещал надолго закрыть придурка в психушке. Снова ложиться в больницу Шамай не хотел, он решил прикрыть свою лавочку, на время отойти от активных дел.

В период вынужденного простоя Шамай нашёл себе новое развлечение. В городе Шамай любил, познакомившись с очередной дамой, отвести её в ресторан. Заказывал хорошую выпивку и еду, самые дорогие закуски. Особенно нравилось Шамаю кушать бутерброды с икрой. Бывало возьмёт несколько бутербродов, смешает чёрную икру с красной и съест всё на глазах изумлённой спутницы, запьёт дорогим вином.

Хорошо покусав, Шамай спешил якобы в туалет, но исчезал насовсем, уходил из ресторана, оставив даму в глубоком недоумении с огромным счётом за выпивку и закуски. Так Шкода-Делон посетил все крупные рестораны Питера. Проблем у него обычно не было, но если и возникали какие-то недоразумения, что с Шамаем возьмёшь? Он же дурак! С дурака и взятки гладки.

Постоянно ходить по одним и тем же ресторанам было рискованно, а хотелось денег, хотелось хорошей жизни и общения с женщинами. Шамай снял квартиру в другом районе города и вновь дал объявления в газетах. Работать решил под именем Ланцелот, делая упор на «исцеляющем

массаже». Никаких массажных курсов он, естественно, не заканчивал. Но это было и не нужно. Главная его задача во время сеанса состояла в том, чтобы полностью раздеть и заболтать женщину. Ланцелот настаивал, убеждал даму снять с себя всю одежду, ведь любая ткань, любое бельё, очевидно, препятствуют процессу насыщения исцеляющей божественной энергии, проводником которой Ланцелот и являлся во время сеанса. Сам сеанс «исцеляющего массажа» начинался с поглаживания позвоночника и спины дамы. Затем Ланцелот плавно переходил на попку и ноги, после чего просил даму перевернуться на живот и, всячески заговаривая свою клиентку, особое внимание уделял ощупыванию интимных мест женщины. Если дама не сильно возмущалась, когда её откровенно щупали, Ланцелот стремительно, неожиданно спускал штаны и..., ну, в общем, начинал сеанс «углублённого массажа». От внезапности изумлённые дамы не сразу приходили в себя, а Ланцелот нашёптывал им: «Так надо, так надо, через меня идёт связь с космосом, насыщение чакр божественной энергией. Это вовсе не секс, а обмен энергией. Без этого обмена полное исцеление невозможно».

В перспективе Ланцелот планировал открыть школу сексуальной магии, но даже массажистом проработал не долго. Какая-то из его клиенток,

жена высокопоставленного чиновника, недовольная порнографическим массажем, написала заявление в милицию об изнасиловании. Подобное грозило крупными неприятностями. Шкода вовсе не хотел длительного принудительного лечения, он решил надолго затаиться, бросил все свои городские дела и снял комнату в Лахте. Шкода вспомнил, что когда-то он писал рассказы и решил попробовать себя в роли писателя. Выбрал звучный псевдоним — И. Грек, — написал новый рассказ, после чего приступил к написанию повести. Тут-то и произошла встреча с Эдиком, ставшая для Эдуарда роковой.

Глава 4. Возвращение покойницы

Не всё, далеко не всё знал Эдик о Шамае и его похождениях. Он кое-что слышал от общих знакомых о том, что Шкода работает экстрасенсам и ходит по ресторанам за счёт женщин. Все эти рассказы забавляли Эдика, пока он не столкнулся с Шкодой-Шамаем сам.

«Не нужно никому говорить о встрече со Шкодой, — думал Эдик по дороге домой, — особенно матери — вот будет смеяться надо мной».

Но матери дома не было. Накануне вечером она собиралась сходить в поликлинику, а до этого весь прошлый день ругала врачей. С участковым

терапевтом отношения у неё испортились ещё пару лет назад. Мать прочитала в своё время несколько популярных книжек по нетрадиционной медицине и даже воспользовалась некоторыми рекомендациями. Большой пользы ей это не принесло. Но в нетрадиционную медицину она продолжала верить. А тут на телевидении появилась новая телепередача о здоровье, ведущим которой был Геннадий Петрович Малахов, наиболее известный пропагандист здорового образа жизни и народной медицины. В передаче говорили об уникальных целебных свойствах мочи. Мать заинтересовалась: ну столько хорошего рассказали о «живой воде»! Кто-то, правда, посоветовал перед применением обязательно проконсультироваться у врача. Вот и пошла на приём к терапевту Валентина Михайловна с этим вопросом. Услышав про мочу, терапевт замахал руками, затопал ногами, закричал на бедную женщину, что если бы его не посадили, он бы сразу усыпил её, чтобы не лезла со всякой дрянью, у него, мол, нет времени общаться с кретинками. Пусть она либо лечится, либо пьёт мочу, но прежде закажет себе гроб.

Озадаченная Валентина Михайловна шла домой и на всю улицу ругала терапевта. Прохожие недоумевали: идёт бабка и кричит про негодяя врача, мочу и гроб. Кто-то даже остановил старушку: «Вам плохо, бабушка? Вам нужен врач?»

Какой там врач! Только что друг от друга отделались! Никто ей не нужен! Просто мать была сильно возмущена. Как же так: по телевизору настоятельно рекомендуют, а врач злобно орёт, обзывается, гробом пугает. Погорячился, конечно, терапевт, но не стоило его так ругать: занятой, серьёзный человек взорвался, услышав очередную, по его мнению, глупость.

После этого случая Валентина Михайловна затаила обиду на врача и не ходила в поликлинику пару лет: благо здоровье позволяло. Но в этот раз у неё сильно разболелись ноги. Пришлось посетить ненавистного терапевта. Врач узнал ненормальную бабуся и долго слушать её не стал, выписал направление на приём к флебологу, в поликлинику в центре города.

Врач-флеболог направил Валентину Михайловну на рентген. Сделала она снимки, получила их в регистратуре своей районной поликлиники и снова поехала в центр к флебологу.

Но и флеболог набросился на мать Эдика: «Ты что, бабка, спятила? Вместо рентгена ног снимки зубов привезла! Или ты не знаешь, чем ноги от зубов отличаются?» Всё она прекрасно знает. Зря второй гадкий врач наорал на неё. Она не виновата! Рентген сделала правильно. Напутали что-то в регистратуре районной поликлиники. На конверте с чужими снимками чьих-то зубов были написаны

фамилия и инициалы Валентины Михайловны, а она даже конверт раскрывать не стала.

Делать нечего, придётся опять идти в районную поликлинику, менять злосчастные снимки. Об этом Валентина Михайловна и сообщила сыну накануне ночного звонка от Шкоды.

Ну нету матери дома и ладно, поначалу Эдику было, честно говоря, не до неё. Злобный Шкода со своим проклятием не выходил из головы. Однако матери почему-то не было долго. Поменять снимки — минутное дело. Ну, до поликлиники идти не спеша минут пятнадцать. Конечно, мать могла зайти к кому-нибудь в гости. Но время к вечеру, а её все нет. Эдик стал волноваться. Тут звонит сестра.

— Мама дома? — услышал Эдик испуганный голос.

— Нет, ушла в поликлинику.

— Давно?

— Очень давно.

На том конце провода слёзы, истерика.

— Что случилось? — напугался Эдик.

— Я сейчас к тебе приеду! — наконец сказала сестра и, ничего не объясняя, повесила трубку. Эдик стал волноваться ещё больше.

Сестра жила не очень далеко, остановок пять на автобусе. Долго ждать её не пришлось, вскоре

она прибежала заплаканная и говорит, что позвонил её знакомый участковый детский врач Петров и передал соболезнования по поводу кончины их матери.

Вот так поворот!

— Что ты несешь? — изумился Эдик. — Объясни, пожалуйста.

Оказалось, сестре недавно действительно звонил Петров с соболезнованиями, сказал, что был звонок из больницы о летальном исходе.

Какая больница? Какой летальный исход? Сестра и доктору сказала, что только утром разговаривала с мамой по телефону. Он извинился, сказал, что что-то кто-то перепутал.

Но матери не было. И мобильного телефона у неё тоже было. Прошло, наверное, уже часов пять, после того, как Эдик вернулся домой. По идеи, с матерью не могло ничего случиться. Если бы, не дай Бог, она попала под машину, соседи и знакомые, наверное, видели бы и сообщили Эдику. Впрочем, может быть инсульт, инфаркт. Вдруг, уже сработало проклятие Шкоды? Только почему-то оно затронуло не самого Эдика, а на его мать.

Нужно было что-то делать. Решили позвонить в поликлинику. Никто не отвечал: рабочий день, похоже, уже закончился. У знакомых узнали телефон Петрова и позвонили ему домой. Тоже безрезультатно. Мобильного Петрова никто не

знал. Набрали на всякий случай телефон справочной по несчастным случаям. Никакой информации. Вскоре пришёл муж сестры. Он работает в милиции и знает, что нужно делать в подобных случаях. Прежде всего он стал обзванивать морги и больницы в поисках тещи.

Морги он обзвонил все, а вот больницы не успел. Когда список заканчивался, Валентина Михайловна спокойно открыла входную дверь своим ключом. В прихожую выбежала вся бледная, заплаканная дочь.

— Что случилось с внуком?! — только и успела промолвить Валентина Михайловна и потеряла сознание.

К счастью, очнулась она довольно быстро. И пока ехала «скорая помощь» Валентина Михайловна никак не могла понять, взять в толк, почему такой переполох: внук жив и здоров, а дочка с зятем, которые заходят в гости довольно редко, так взволнованы.

А случилась простая история. Детский врач Петров вовсе не был шутником и любителем глупых розыгрышей. Просто в конце рабочего дня ему сказали, что скончалась Валентина Смирнова. Он знал только одну Валентину Смирнову и часто общался с её дочкой, а потому поспешил с соболезнованиями.

Валентина Михайловна действительно пошла

в поликлинику. Но у железнодорожной платформы увидела приближающуюся электричку в центр. Мысль мелькнула мгновенно: «Поеду-ка я закажу себе стельки. А снимки можно поменять в любое время».

И она поехала в центр города заказывать себе стельки от плоскостопия. Пока отстояла длинную очередь, пока прошлась по магазинам. Долго ждала электричку домой.

В общем, приехала, когда кое-кто готовился уже её отпевать.

Врачам пришлось оказывать помощь сразу трём пациентам: приводить в чувства бабуку, делать уколы Эдику и его сестре.

Впрочем, бабуля в помощи особо-то и не нуждалась, в отличие от Эдика и его сестры, которые находились в состоянии сильного шока, на грани сердечного приступа. И только муж сестры ходил довольный, предвкушая как будет рассказывать о тёщиных похождениях своим друзьям и сослуживцам.

Уколы подействовали и возбуждение постепенно улеглось.

На следующий день Валентина Михайловна охала и ахала, ходила по квартире, постоянно выражая своё недовольство. Она попеременно ругала то врачей, то Эдика, который обещал ей вчера, что утром сходит и купит ей наконец

мобильный телефон, а вместо этого валяется на диване, то дочку с зятем, которые и вовсе не заботятся о матери, а начинают паниковать при малейшем поводе.

Только к обеду Эдик, слегка оклемавшийся после укола и жутких событий предыдущего дня, сходил и купил матери обещанный мобильный телефон. Но мать встретила недовольной речью о том, что сын мог бы зайти и в поликлинику, поменять снимки чьих-то чужих зубов на снимки её ног. Эдик напомнил матери, что она его об этом не просила, но мать заявила, что хороший сын должен был бы догадаться об этом сам.

Ругань матери начинала раздражать. К тому же у Эдика сильно разболелась голова. Причиной мог быть какой-то неприятный запах, стоявший в комнате Эдика. Эдик открыл окно, чтобы проветрить комнату. И тут он увидел на столе в углу у своего компьютера какую-то таблетку. Эдик рассмотрел этикетку. Оказалось — сильнодействующее средство против моли. Полагалось две таблетки разместить в шкафу для полного уничтожения этого насекомого и его личинок. Эдик открыл дверцу шкафа. Сильнейшая вонь обожгла его нос. По всему шкафу, во всех его углах и по середине, лежали таблетки. Их было не менее восьми штук. Эдик сунул руку в карман своего зимнего пальто и вытащил ещё одну

таблетку. Головная боль стала нестерпимой.

— Мамаша! — закричал Эдик. — Что ты идиотничаешь?! Решила меня отравить?

Эдик выбежал на кухню. Мать спокойно пила чай.

— Что ты орёшь? — спросила она.

— Зачем столько таблеток от моли напихала? Может, от меня избавиться хочешь?

— Не кричи! Мне нужно вытравить моль. Посмотри: снова по всей квартире летает.

— Так двух таблеток достаточно! А ты сколько положила? Еще и мне на стол сунула. Отравить меня хочешь?

— Мало двух таблеток-то. Весной шуки четыре положила. Плохо помогло.

— А мне на стол зачем бросила?! Ты бы запихала их себе в кровать. Небось в свою комнату таблетки не набросала, а на сына наплевать!

— Шкаф-то у тебя. И шерстяные вещи все там. А на стол я таблетки не бросала. Ну, может, случайно и упала одна...

Эдик обозвал мать кретинкой, принял пару таблеток анальгина от головной боли, сказал, что едет на дачу, быстро собрался и поспешил на электричку.

Глава 5. Дачные кошмары, или Нечистая сила в действии

Дача досталась Эдику и его сестре в наследство от отца. Это был участок в садоводстве недалеко от Всеволожска с небольшим дачным домиком. Домик отец построил своими руками уже после развода с Валентиной Михайловной. С матерью Эдика его отец прожил пятнадцать лет. Последние годы совместной жизни они постоянно ссорились и ругались. Эдик хорошо запомнил все эти частые ссоры, несмотря на то, что отец ушёл от матери к другой женщине, когда ему было всего пять лет.

Сам Эдик был поздним, но не сильно любимым ребёнком. Валентина Михайловна долгое время вообще не хотела иметь детей. И только когда ей перевалило за тридцать пять, серьёзно задумалась о том, что хорошо было бы родить девочку, помощницу в хозяйстве. Но родился сын, очень похожий на мужа, отношения с которым у Валентины Михайловны после рождения первенца дали явную трещину.

Валентина Михайловна недолго любила сына. Может быть, где-то в глубине души считала, что ребёнок и связанные с ним хлопоты стали причиной частых ссор с мужем.

Тем не менее, надежда родить девочку не

оставила Валентину и через несколько лет после рождения сына она забеременела вновь. Дочка Танечка родилась за пять дней до сорокалетнего юбилея Валентины Михайловны.

После рождения второго ребёнка отношения с мужем совсем испортились, и он ушёл от Валентины Михайловны к другой женщине, оставив Валентину одну с двумя маленькими детьми. Нет, бывший муж помогал, конечно, деньгами, исправно платил алименты, на праздники и к дням рождения покупал детям подарки или присылал денежные переводы. Но с детьми общался редко. Валентина Михайловна была категорически против любого общения детей с их отцом. Она всеми силами стремилась оградить детей от отца. И даже когда бывший муж звонил детям по телефону, Валентина Михайловна всегда бросала трубку.

Однажды она нахамила своему непосредственному начальнику. После развода с мужем Валентина Михайловна, бывшая домохозяйка, вынуждена была устроиться на работу вахтёршей на военный завод. Как-то раз на работе заболела сменщица Валентины Михайловны и начальник охраны решил позвонить ей домой, попросить, чтобы она вышла на подмену. И надо же такому случиться, что в это же самое время детям звонил отец. Его звонки немного опередили звонок

начальника. Первый раз Валентина Михайловна как обычно бросила трубку. Но отец позвонил опять. Недовольная настойчивостью бывшего мужа Валентина снова бросила трубку телефона. И сразу же раздался очередной звонок — дозвонился начальник охраны. «Чтоб ты сдох, козёл поганый! Больше не звони сюда, сволочь!» — услышал злобный крик Валентины Михайловны начальник охраны и сразу же послышались короткие гудки. Начальник изумился: на работе Валентина Михайловна была на хорошем счету, ни с кем не ругалась, трудовую дисциплину не нарушала.

Впрочем, с работы её не выгнали. В советские времена можно было и нагрубить начальнику, за подобные вещи увольняли редко.

Так что отца Эдик знал плохо. В новом браке у отца не было детей. Он прожил с молодой женой лет семь, за это время получил на работе участок под Всеволожском и успел построить дачный домик, но скоропостижно скончался в дождливый сентябрьский день в тот год, когда Эдик пошёл в седьмой класс. Эдик не ходил в школу два дня, потому что был на похоронах. Там они с матерью впервые познакомились с вдовой отца. Потом, деля имущество, им удалось договориться, что участок в садоводстве достанется детям, а на остальное имущество отца они претендовать не будут. Впрочем, ни квартиры, ни большого состояния отец

не нажил.

На участок, принадлежавший бывшему мужу, Валентина Михайловна не ездила принципиально. А вот Эдик и его сестра с семьёй на дачу иногда навевывались. Обычно летом, по выходным, на день или на два. Но в прошлом году Эдик жил здесь безвылазно большую часть отпуска. После ссоры с подружкой и скандала с матерью ему захотелось остыть от городской суеты. На даче он подружился с соседями, которые проживали здесь всё лето, с мая по октябрь, и их пушистой забавной кошкой Манькой. Как-то раз ласковая Манька умудрилась выловить на запущенном участке Эдика здоровенную крысу, притащила и бросила к дверям его домика. Подарок Эдику не понравился и Манька утащила крысу с собой.

А на следующий день сосед рассказал забавную историю. Ездил он накануне в город по делам, приехал пьяненький и завалился спать. Проснулся утром от невыносимого запаха. Смотрит: на подушке, прямо у его носа, лежит огромная вонючая крыса, а по комнате ходит довольная Манька. Увидела, что хозяин проснулся, замурыкала, хвастаясь, какой отличный подарок она поймала и принесла. Отличная штука, настоящая еда!

Коты и кошки любят похвастаться, показать, какие они хорошие, иногда могут задобрить хозяев